

Глава 33: Тушеные свиные ребрышки

—

Жизнь в тренировочном лагере была однообразной и скучной. Ученики были практически отрезаны от внешнего мира, их дни были расписаны по минутам: учёба, решение задач, еда, сон.

Приближение основного этапа с каждым днём становилось всё ощутимее, и Лу Синцзя с Цинь Мудуном постепенно выработали своего рода молчаливое взаимопонимание.

Каждый день в полдень они чуть позже отправлялись обедать. В классе никого не было, и они сидели рядом, читая книги и учась вместе.

Это тихое время было очень коротким, всего около двадцати минут каждый день, но оно казалось необычайно долгим, потому что это было их собственное, никем не нарушаемое, тайное время.

Однако у этого был и один недостаток:

Они приходили в столовую поздно, и самые вкусные блюда либо уже были распроданы, либо у окошек стояли огромные очереди, растягивавшиеся до бесконечности.

Лу Синцзя уже несколько дней хотел съесть тушеные свиные рёбрышки, но каждый раз, видя десятиметровую очередь, чувствовал, что глаза его темнеют.

Сегодня было то же самое.

Они вдвоем вошли в столовую, и очередь к окошку с тушеными ребрышками растянулась через всю столовую, почти до самого выхода.

«Это слишком преувеличено», — пробормотал Лу Синцзя, таща Цинь Мудуна в другое место, — «Ладно, ладно, давай лучше найдем другое место».

Если бы он ждал один, то подождал бы, но теперь, когда с ним был Цинь Мудун, ему было неловко заставлять Цинь Мудуна ждать так долго.

«Хочешь это?» - спросил Цинь Мудун.

Лу Синцзя скривил губы: «Ну, вроде, но народу слишком...»

«Тогда ешь», — перебил его Цинь Мудун.

Подросток сделал шаг своими длинными ногами, дошел до конца очереди и крепко встал.

«Но...» Лу Синцзя открыл рот, желая что-то сказать, но Цинь Мудун равнодушно произнес: «Я тоже хочу это съесть».

Слова Лу Синцзя застряли в горле, но сердце его потеплело.

«Ладно», — уголки его губ невольно растянулись в улыбке, — «Одного этого точно не хватит, что еще хочешь съесть, я пойду куплю».

«Всё равно», — равнодушно ответил Цинь Мудун.

«Тогда лапшу!» Лу Синцзя улыбнулся, прищурив глаза: «Я сначала куплю две порции рамена, а потом буду ждать тебя там».

Он указал пальцем на ряд пустых мест в конце очереди.

Цинь Мудун слегка кивнул: «Хорошо».

—

Очередь за тушеными рёбрышками медленно продвигалась вперед. Лу Синцзя дважды сбежал туда-сюда, принес обе миски на оговоренное место, а затем взял палочки и ложки.

Едва он уселся на свое место, как худощавый, высокий и интеллигентный парень похлопал его по плечу: «Привет, одноклассник, здесь занято?»

Стол в столовой были составлены в длинные ряды. Лу Синцзя указал на место рядом с собой, где стояла лапша Цинь Мудуна: «Здесь занято, остальные места свободны».

«Спасибо», — кивнул парень, а вскоре привел с собой еще двух человек. Все трое, держа свои подносы с едой, сели рядом с Лу Синцзя и с энтузиазмом болтали во время еды.

Там, где сидели трое, было шумно, что еще больше подчеркивало пустоту вокруг Лу Синцзя. По поверхности бульона лапши плавал слой масла. Лу Синцзя, перебрасывая взгляд через шумную троицу, издали наблюдал за Цинь Мудуном, стоящим в очереди.

Почему за тушеными рёбрышками такая длинная очередь? Лапша же остынет!

Фигура Цинь Мудуна медленно двигалась вместе с очередью. Лу Синцзя скучающе играл кончиком палочки, продолжая смотреть в сторону Цинь Мудуна и бездельничая, слушая разговор этих троих рядом.

Школа — это возраст, когда люди больше всего любят красоваться, и говорить без утайки. Лу Синцзя быстро понял отношения между этими тремя.

Парня, сидевшего напротив Лу Синцзя, звали «Лун Гэ», полное имя — Сюй Фэйлун. У него было симпатичное лицо, которое нравилось девушкам, и он выглядел немного расхлябанно. Он не носил школьную форму, поэтому нельзя было сказать, из какой он школы. Он был одет в рваные джинсы и джинсовую куртку, и в его речи чувствовалась некоторая наглость.

Два других, очевидно, были его приспешниками. То они хвастались, сколько девушек его любят, то обсуждали, насколько хорошо он учится.

Как бессодержательно.

Лу Синцзя подпер голову рукой, тайно молясь, чтобы Цинь Мудун поскорее пришел, когда вдруг сбоку от трех парней он смутно услышал имя «Цинь Мудун».

Из-за того, что он постоянно думал о Цинь Мудуне, ему уже мерещится?

Лу Синцзя скривил губы, мысленно поторапливая Цинь Мудуна, продолжал скучно ждать, как вдруг из уст одного из них снова вырвалось: «Цинь Мудун».

Они действительно знакомы?

Лу Синцзя заинтересовался, наострил уши, и разговор троих отчетливо донесся до его слуха.

Тот высокий худой парень, что спрашивал Лу Синцзя, сидел рядом с ним, ковыряя палочками лапшу: «Я все думаю, а Цинь Мудун приехал?»

«Да, он хорошо учится, было бы странно, если бы не приехал», — кивнул его приятель, подмигивая парню напротив, — «Лун Гэ, ну как, вы встретились?»

«Вы еще смеете вспоминать?» — Сюй Фэйлун злобно взглянул на них, затем протянул руку и шлёпнул парня, задавшего вопрос, по затылку: «Если бы не вы, кто надоумил меня, разве я бы, чёрт возьми, пробил себе голову?»

Рука Лу Синцзя замерла, и он тут же вспомнил, что Цзи Янжань раньше говорил о драке Цинь Мудуна с кем-то.

Парень был недоволен, потирая затылок, и бессовестно рассмеялся: «Как же это мы подстрекали? Разве не ты сам с нами поспорил?»

«Тьфу, но я же не говорил вам рассказывать ему», — Сюй Фэйлун плюнул на него, указав левым пальцем на бок своей головы: «Видите? Там до сих пор шрам, черт возьми, как больно!»

На этот раз парень наконец почувствовал себя немного виноватым и смущенно рассмеялся: «Ну, кто же знал, что он действительно способен так ударить? Мы просто его обманули, разве стоило так себя вести? Прямо как девушка, которую обманули в чувствах».

За пару фраз Лу Синцзя уяснил ситуацию.

Сюй Фэйлун в средней школе называл себя боссом, а Цинь Мудун был самым необщительным в классе, никогда не общался с ними. Тогда подручные стали подначивать, говоря, что Лун Гэ не может считаться боссом, пока не подчинит себе и Цинь Мудуна.

Сюй Фэйлун, любящий покрасоваться и похвастаться, поддался на их уговоры и заключил пари, что обязательно подружится с Цинь Мудуном. Так, ради этого пари, он активно сблизился с ним и действительно стал его другом.

Но по тону их разговора можно было понять, что на самом деле они презирали Цинь Мудуна, считая его заносчивым и притворным.

Лу Синцзя изо всех сил старался унять свой гнев и, наконец, понял правду тех лет.

Раньше они дрались только потому, что Цинь Мудун обнаружил правду их обмана. Это вовсе не была вина Цинь Мудуна!

Трое все еще оживленно болтали, когда Брат Лун резко опустил левую руку, явно считая, что быть избитым Цинь Мудуном – позор, и раздраженно сказал: «Цинь Мудун, черт возьми, псих. Даже если он хорошо учится, толку от этого нет. Выйдя в общество, он будет просто бешеной собакой...»

Лу Синцзя никогда не видел такого человека, который переворачивает всё с ног на голову и перекладывает ответственность. Он был в ярости и возмущении, и, не выдержав, сильно стукнул палочками по столу.

Сюй Фэйлун вздрогнул от этого шума и поднял глаза.

Этот маленький, худощавый мальчик выглядел очень послушным, но в нем чувствовалась какая-то скрытая жесткость, что необъяснимо отбивало всякое желание с ним связываться.

В последний раз он видел такой взгляд, когда его избил Цинь Мудун.

Цинь Мудун был действительно холоден и безжалостен, его суровые глаза, как у ястреба, казалось, могли поглотить человека целиком – он знал это с самого начала.

Если бы группа друзей не подстрекала его, говоря, что он испугался, он бы ни за что не стал связываться с Цинь Мудуном.

А сейчас, мальчик перед ним смотрел на него горящим взглядом, а на его губах играла презрительная улыбка.

«Ты, должно быть, так ударился головой, что не можешь обогнать даже бешеную собаку на экзамене?»

Говорящий, возможно, ничего не имел в виду, но слушатель может воспринять это всерьёз. Выражение лица Сюй Фэйлуна изменилось.

Его оценки среди всех братьев не были выдающимися, и даже на этот раз он едва прошел порог. Это всегда было его тайным комплексом.

Когда его больная мозоль была задета, Сюй Фэйлун открыл рот, чтобы обругать, но, взвесив все за и против, он улыбнулся и смягчил тон: «Привет, одноклассник, ты знаешь Цинь Мудуна? Думаю, ты, возможно, немного неправильно нас понял...»

Он всегда хотел создать образ справедливого старшего брата и не мог оставить явных улик. По крайней мере, насмеяться над одноклассниками за спиной не было чем-то благородным.

Прежде чем он закончил говорить, он увидел Цинь Мудуна, идущего к ним с двумя небольшими тарелками тушеных свиных рёбрышек.

Атмосфера мгновенно застыла, все четверо за столом одновременно замолчали.

Тело Лу Синцзя даже оцепенело, он не отрываясь смотрел на движения Цинь Мудуна.

Маленькое блюдце было поставлено перед Лу Синцзя, Цинь Мудун спокойно сел.

Он всегда был равнодушен к незначительным людям и даже не заметил троих, сидящих рядом.

Лу Синцзя хотел что-то сказать, но Цинь Мудун негромко постучал палочками по краю миски и сказал: «Ешь быстрее, скоро урок».

Худощавый парень бешено подмигивал своим товарищам, шепча губами: «Что делать???»

Его выражение лица было крайне преувеличенным, сопровождаясь жестикуляцией.

Другой тоже ответил ему губами: «Откуда мне знать!!!»

Эти действия, наконец, привлекли внимание Цинь Мудуна.

Он неосознанно поднял голову, и, увидев, кто сидит рядом с ним, его лицо стало ледяным, а затем постепенно побледнело.

Кровь прилила к голове, и издевательские слова парня постоянно звучали в его сознании.

«Да, я обманул тебя, и что с того?»

«Ты ведь не думаешь, что кто-то действительно хочет с тобой дружить?»

«С твоим мертвенно-бледным лицом, кому ты можешь понравиться, не мечтай».

...

Тусклое небо, яркая кровь, тошнотворное чувство — он не мог от этого избавиться, и оно опутывало его снова и снова.

Пальцы резко сжались, ногти почти врезались в плоть.

Как Лу Синцзя... мог быть с ними?

Увидев выражение лица Цинь Мудуна, Лу Синцзя тут же отреагировал, схватив его за ледяную руку, и встревоженно, сбивчиво объяснил: «Ты их знаешь? Я только что слышал, как они плохо о тебе говорили, и не выдержал, обругал их немного».

«Не обращай на них внимания, посмотри на меня, это же Цзяцзя!»

Теплое прикосновение к коже запястья. Цинь Мудун мучительно закрыл глаза, тяжело дыша, в ушах стоял оглушительный шум, как от горного обвала.

Видя их в таком состоянии, Суй Фэйлун, наоборот, успокоился.

Он видел, как Цинь Мудун сходит с ума, и действительно считал его психом, поэтому не верил, что кто-то захочет с ним дружить.

Он думал, что этот худой мальчик, сидящий напротив, скоро испугается и не захочет больше иметь ничего общего с Цинь Мудуном.

Он даже слегка улыбнулся и, подливая масла в огонь, сказал: «Оказывается, ты друг Цинь Мудуна, какое совпадение. Давай познакомимся, меня зовут Сюй Фэйлун, я тоже был его другом в средней школе».

И он специально выделил слово «друг».

«Возможно, ты немного неправильно нас понял», — он сунул одну руку в карман брюк, его улыбка была почти добродушной, — «Я не из тех, кто говорит за спиной. Мы очень хорошо ладили в средней школе, а потом однажды Цинь Мудун без всякой причины избил меня и пробил мне голову».

«У Цинь Мудуна, возможно, врожденная склонность к насилию, так что будь осторожен в общении с ним, а то, не дай бог, однажды он сделает с тобой то же самое, что и со мной, и ты даже не узнаешь, что он вонзил тебе нож в спину».

Цинь Мудун резко открыл глаза, в его взгляде была густая боль и жестокость.

Он потянулся, чтобы схватить тарелку со стола, но Лу Синцзя опередил его, встав и загородив собой.

«Я его друг, а ты нет».

Лу Синцзя произнес слово за словом: «Не человек, мерзавец».

Он больше не обращал внимания на этих троих, схватил Цинь Мудуна и нашел самое дальнее от них место, а затем принес все тарелки с едой на стол.

Сделав все это, Цинь Мудун все еще сидел, ошеломленный, его черные глаза напоминали застоявшуюся, давно мертвую воду.

Лу Синцзя тихо вздохнул и сел рядом с ним.

«Ешь...»

Он намеренно замедлил свой голос, притворяясь, что ничего не произошло, но не успел

договорить, как Цинь Мудун крепко схватил его за запястье.

В тот момент, когда Цинь Мудун услышал голос Лу Синцзя, его давно накопившиеся эмоции наконец вырвались наружу.

Вся его рука дрожала, вены на предплечье вздулись, кончики пальцев побелели от напряжения, впиваясь в запястье Лу Синцзя так, что ему было больно.

Почти вдавливая его в плоть и кровь.

«Цзяцзя», — его голос был так хрипл, голосовые связки дрожали, каждое слово словно было соскоблено песком.

«Я действительно, считал его другом».

Лу Синцзя замер, гнев внезапно превратился в струйки боли, пронзающие его до самых внутренностей.

Он понял, понял глубокий смысл слов Цинь Мудуна, но в то же время испытывал сильное негодование по поводу собственной медлительности, почему он не обнаружил эту историю раньше.

Все потому что он действительно считал его другом, поэтому, когда он узнал о настоящей цели этого человека, он так сильно потерял контроль и отчаялся.

Лу Синцзя был как рыба, выброшенная на берег, с огромным камнем на груди. Он тяжело дышал, отчаянно пытаясь найти хоть немного свежего кислорода в этом удушающем состоянии, но ему никак не удавалось вдохнуть.

Он знал, что это лишь одна миллионная часть страданий, которые пережил Цинь Мудун.

Цинь Мудун думал, что нашел свет, а потом обнаружил, что это всего лишь чешуйки вонючей рыбы из сточной канавы.

Поэтому он так сопротивлялся приходу света.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282455>